

Григорий Нисский



О БЛАЖЕНСТВАХ



Св. Григорий Нисский (335–394 гг.), бывший епископ г. Ниссы внес весомый вклад в развитие христианской философии.

Святитель Григорий Нисский был пламенным защитником Православных догматов и ревностным учителем своей паствы; отличался великодушием, терпением и миролюбием.

Дожив до глубокой старости, святой Григорий Нисский мирно скончался, вскоре после Константинопольского Собора (после 394 г.). Вместе со своими великими современниками, святителями Василием Великим и Григорием Богословом, святитель Григорий Нисский оказал чрезвычайно значительное влияние на развитие церковной жизни.

Григорий Нисский

О блаженствах

Слово 1

Узрев же народы, взыде на гору: и седишу Ему, приступиши к Нему ученицы Его. И отверз уста Своя, учаще их, глаголя: блажени нищии духом: яко тех есть царствие небесное.

(Мф. 5:1–3)

Кто в числе собравшихся таков, чтобы ему и быть учеником Слова, и вместе с Ним с земли — от понятий пустых и низких, взойти на духовную гору возвышенного созерцания, — на эту гору, которая избегла всякой тени высших холмов злобы, и освещаемая отовсюду лучом истинного света, в чистой ясности истины, с вершины своей дает видеть все, что для заключенных в междугорья невидимо? А что открывается взору с высоты сей, какие это виды, и как многочисленны, описывает Сам Бог Слово, ублажая восшедших с Ним на гору, как бы перстом каким указуя здесь Царствие Небесное, а таи наследие горней земли; потом помилование, правду, утешение, приобретаемое родство с Богом всяческих, и плод гонений, именно тот, чтобы стать сообитателем Божиим, и все иное, что кроме сего, по перстоуказанию Слова свыше с горы, можно видеть в уповании простирающему взоры с этой высокой стражбы.

Итак, поелику Господь восходит на гору, послушаем, что взывает Исаия: «приидите, и взыдем на гору Господню» (Ис. 2:3.); и если немощны мы от греха, то, как научает пророчество, укрепим «руце ослабленные, и колена расслабленные» (Ис. 35:3.). Ибо если будем на вершине, то найдем Исцеляющего «всяк недуг и всяку язю» (Матф. 4:23.), и «недуги наша» Восприимлющего, «и болезни» Носящего (Матф. 4:17.). Посему поспешим и мы к восхождению, чтобы, с Исаиею став на вершине надежды, и нам с высоты увидеть оные блага, которые указывает Слово последовавшим на сию возвышенность. Но и нам да отверзет уста Бог Слово, и нас да научить тому, слышание чего есть блаженство. Началом же нашего обозрения да будет начало сказанного в учении.

«Блажени», сказано, «нищии духом: яко тех есть царствие небесное». Если какой златолюбец найдет надпись, показывающую, что хранится тут сокровище, но место, заключающее в себе это сокровище, желающим приобрести его представляет много пота и труда; то ужели не найдет в себе сил к трудам, вознерадит о выгоде, и не принять на себя никакого тщательного усилия признает приятнейшим богатства? Нет, это невозможно; напротив того пригласит он на это всех друзей и отовсюду собрав себе, какую только можно, в деле помощь, при множестве рук, сокрытое богатство сделает своею собственностью Вот, братия, то сокровище, которое показывает нам Писание; сокрыто ж богатство сие по неясности для нас. Посему и мы, любители беспримесного золота, воспользуемся множеством содействующих в молитвах, чтобы и нам сделать явным для себя богатство, и всем разделить сокровище поровну, и каждому приобрести его в целости. Ибо таков раздел добродетели, что и всем состязующимся о ней уделяется, и каждому принадлежит, вся, не убавляясь у участвующих в разделе. При разделе земного богатства захвативший себе больше получающих по равной доле делает несправедливость; потому что увеличивший свою часть непременно умаляет долю соучастника. Но богатство духовное уподобляется солнцу; ибо уделяется всем смотрящим на него, и для каждого остается целым. Итак, поелику каждый наделяется равною выгодой от труда; то в искомом нами да будет всеми оказано содействие молитвенное.

Прежде всего, полагаю, должно составить понятие о самом блаженстве, что оно такое. Блаженство, по моему рассуждению, есть объем всего, что представляется как благо, в котором нет недостатка ни в чем согласном с добрым пожеланием. Но понятие о блаженстве соделается для нас более известным из сличения с противоположными Признаком блаженства — непрестанная и тени не имеющая радость, происходящая от добродетели. А противоположно блаженству состояние бедственное. Посему бедствие есть томление в горьких и невольных страданиях. Расположение же находящихся в том или другом из сих состояний делится по противоположности. Ублажаемому возможно веселиться и радоваться на предлагаемое ему в наслаждение; а бедствующему — печалиться и огорчаться тем, что у него есть. Посему поистине всеблаженно само Божество: потому что, чем ни представим Его себе, блаженством будет чистая она жизнь, неизреченное и непостижимое благо, невыразимая лепота, неточная благодать, премудрость и сила, истинный свет, источник всякой благости, превышающая все власть; единое достолюбезное, всегда неизменное, непрестанное радование; вечное веселие, о котором, если кто скажет всё, что может, не скажет по достоинству еще ничего. Ибо разумение не постигает Сущего, и если успеем представить о Нем что в уме более возвышенное, то представленное невыразимо никаким словом. Поелику же Создавший человека «по образу Божию сотвори его» (Быт. 1:27.); то на втором месте блаженным будет именуемое так по причастию истинного блаженства. Как относительно к телесному благообразию первообразная красота в живом и

действительно существующем лице; а второе по ней место занимает показываемая в подобии на картине, так и человеческое естество, будучи образом превысшего блаженства, и само отличается доброю лепотою, когда показывает на себе самом изображение блаженных черт. Но поелику греховная скверна обезобразила красоту образа; то пришел Омывающий нас собственною Своею водою, и живою, и текущею «в животе вечный» (Иоан. 4:14.), чтобы, когда отложим греховную гнусность, опять обновился в нас блаженный образ. И как в живописном искусстве иной сведущий скажет неопытным, что прекрасно лице сложенное из таких то телесных частей, у которого такие-то волосы и округлость глаз, и очертание бровей, и положение щек, и по одиночке все, чем восполняется благообразие; так и нашу Живописующий душу по подобию единого Блаженного, все по порядку, служащее к блаженству, изображает словом, и во-первых говорит: «блажени нищии духом: яко тех есть царствие небесное».

Но что будет пользы от сей великодаровитости, если не ясен для нас смысл, заключающийся в слове? Ибо и во врачебном искусстве многие дорогие и с трудом добываемые врачевства остаются неупотребительными и бесполезными для больных, пока не услышим от искусства, к чему годно каждое из них. Итак что значит обнищать духом, чем приобретается право стать обладателем небесного царствия? Из Писания дознали мы два рода богатства: одно вожделенное, и другое осужденное. Вожделяется богатство добродетелей, оуждается же вещественное и земное, потому что первое делается достоянием души, а последнее может только послужить к обольщению чувствилищ; посему Господь запрещает собирать его, как готовимое на снадение червям и на козни подкапывающим стены (Матф. 6,9.), повелевает же прилагать старание о богатстве сокровищ возвышенных, к которому не прикасается сила тления. Сказав же о черве и татьбе. Господь указал на опустошителя сокровищ душевных. Посему, если нищета противоплагается богатству, то, конечно, по соответствию должно признать, что нищета бывает двоякая: одна отвергаемая, а другая ублажаемая. Посему, кто обнищал целомудрием, или дорогим достоянием — справедливости), или мудростью или благоразумием, или оказывается и нищим, и нестяжателем, и убогим по другой какой многостоящей драгоценности; тот бедствует от нищеты, и жалок по нестяжательности того, что для человека дорого. Но кто добровольно обнищал от всего, представляемого порочным, и не отлагает в свои тайники ни одной диавольской драгоценности, но горит духом, и чрез это собирает себе в сокровище нищету худых дел, тот, по указанию Слова, — в ублажаемой нищете, плодом которой небесное царствие.

Но возвратимся опять к деланию сокровища, и не перестанем рудокопным словом раскрывать сокровенное. Господь говорит: «блажени нищии духом». Говорено было некоторым образом и прежде, и теперь опять будет сказано, что конец добродетельной жизни и есть уподобление Божеству. Но Бесстрастное и Чистое совершенно неподражаемо для людей; потому что совершенно невозможно, чтобы жизнь страстная уподобилась естеству, не допускающему в себе страстей. Посему, если блажен един Бог, как именуется Его Апостол (1 Тим. 6:15.), а для людей общение в блаженстве возможно чрез уподобление Богу; подражание же это крайне трудно: то следует, что и блаженство человеческой жизни недоступно. Но и в Божестве есть нечто такое, что, как возможное, предлагается желающим для подражания. Что же это именно? Как мне кажется, — нищета духа; ею Писание именуется добровольное смиренномудрие. В пример же оной Апостол показывает нищету Божию, говоря: Он «нас ради обнища богат сый», да мы «нищетою Его» обогатимся (2 Кор. 8, 9.). Итак, поелику все прочее, что усматривается относящимся к Божественному естеству, превышает меру естества человеческого, а смирение есть нечто нам сродное и совозросшее с нами, которые по земле ходим, из земли имеем состав, и в землю возвращаемся; то и ты, уподобившись Богу в том, что для тебя естественно и возможно, сам облачаешься в блаженный сей образ. И никто да не почитает нетрудным и удобно приобретаемым преуспеяние в смиренномудрии. Напротив того, такое дело труднее всякого, какого бы то ни было добродетельного предначинания. Почему же? Потому что когда человек, приняв в себя добрые семена, уснул, врагом жизни нашей укоренено в нас главное из противоположного сеяния — плевелы гордости. Ибо, чем сам он свергнул себя на землю, тем же самым и бедный человеческий род вовлек с собою в общее падение; и для естества нашего нет другого такого же зла, как этот недуг, производимый гордостью. Посему, поелику страсть превозношения прирождена почти всякому, кто принадлежит к человеческому роду, то Господь с сего поэтому и начинает убожения, как бы первородное какое зло, исторгая из нашего навыка гордость тем, что советует уподобляться добровольно Обнищавшему, Который истинно блажен, чтобы мы, в чем можем, сколько есть в нас сил, уподобившись Ему добровольною нищетою, привлекли себе и общение в блаженстве. «Сие бо», сказано, «да мудрствуется в вас, еже и во Христе Иисусе, Иже во образе Божии сый не восхищением непщева быти равен Богу, но Себе истощил зрак раба приим» (Фил. 2:5–7.). Какое большее обнищание — Богу быть в образе раба? Какое большее смирение — Царю существ придти в общение с нашим нищим естеством? Царь царствующих, Господь господствующих волею облачается в рабский образ; Судия вселенной делается данником владычествующих, Господь твари превитает в вертепе; Всеобъемлющий не находит места в гостинице, но повергается в яслях бессловесных животных; Чистый и Всецелый приемлет на Себя скверну естества человеческого, понесши на Себе и всю нищету нашу, доходит даже до испытания смерти. Видите ли меру вольной нищеты? Жизнь вкушает смерть; Судия ведется на судилище; Господь

жизни всего сущего подвергается приговору судии; Царь всей премирной силы не отклоняет от Себя рук исполнителей казни. В этом образце, говорит Апостол, да будет видима тобою мера и смиренномудрия.

Но хорошо, может быть, как мне кажется, внимательно рассмотреть неразумие таковой страсти кичения, чтобы, когда с великою охотою, и с удобством преуспеет в смиренномудрии, и приобретение блаженства соделалось для нас благоуспешным. Ибо как сведущие врачи, истребив сперва болезнетворную причину, удобнее преодолевают и недуг; так и мы, кичащихся суетностью смилив рассудком, удобоприступным для себя соделаем путь смиренномудрия. Чем же кто лучше докажет суету кичливости? Чем иначе, как рассуждением, что такое естество? Ибо нет основания впасть тому в такую страсть, кто смотрит на себя, а не на окружающее его. Итак что же такое человек? Угодно ли, скажу, что в Писании выражено более почтительно и уважительно? Но Украситель наш, к величию уготовляющий благородство человеческое, от брения ведет родословие естества; и твое благородство, твоя знатность, горделивец, оттуда же ведут род и в родстве с плинфою. Если же желательно тебе, чтобы сказано было непосредственно и близко касающееся рождения; то иди прочь, не говори об этом, не скомли, «да не открывеши», как говорит закон, «срамоты отца твоего и матере твоя» (Лев. 18:7.); не оглашай пред всеми словом того, что достойно забвения и глубокого молчания. И не краснеешь после этого ты, земной истукан, который вскоре будешь прахом, как пузырь, остаешься не надолго надутым, пребываешь полон гордости, ширишься в своей кичливости, и надмеваешь мысль суетным мудрованием? Не смотришь на оба предела человеческой жизни, как она начинается, и чем оканчивается? Но надмеваешься юностью, имеешь в виду цветущий возраст, восхищаешься красотой, тем, что руки у тебя исполнены сил для движения, ноги легки и скачут, кудри развеваются по ветру, щеку окаймляет нежный пушок, одежда на тебе яркого пурпурного цвета, разноцветные шелковые ткани, испещренные изображениями сражений, звериных охот, или каких событий; или, может быть, прилежно смотришь на черную блестящую обувь, любишь тщательно выстроченными чертами швов? На все это обращаешь взор, а не смотришь на себя самого? Покажу тебе, как в зеркале, кто и каков ты. Не видел ли ты тайн естества нашего на кладбище? Не видал ли кучи костей, лежащих одна на другой? обнаженных от плотей черепов представляющих страшный, отвратительный вид впалыми глазами? Не видел ли оскаливших зубы ртов и прочих членов, как ни есть раскиданных? Если ты видел их, то в них видел себя самого. Где признаки теперешнего твоего цвета? Где добротность ланит? Где свежесть губ? Где величественная красота очей, сверкающая из под покрова бровей? Где прямой нос посреди красоты ланит? Где на выю свисшие волосы? Где около висков вьющиеся кудри? Где, как лук, стрелами мечущие руки? Где, как кони, скачущие ноги? Где багряница, виссон, епанча, пояс, обувь, конь, скорость его бега, ржание, — все, от чего ныне увеличивается твоя кичливость? Скажи, где в оставшемся здесь то, чем ныне превозносишься, о чем высоко думаешь? Какой сон столько не состоятелен? Какие грезы подобны этому? Какая тень столько слаба и не осязаема, как это сновидение юности, вместе и являющееся и мгновенно пролетающее? Так спросим тех, которые по несовершенству возраста безумствуют в молодости. Что же скажет иной о возмужавших уже, у которых, хотя возраст и совершенный, но нрав непостоянен и болезнь гордости возрастает? Имя такому недугу — надменность нрава; а предлогом к гордости всего чаще служит начальство, и с ним соединенное властительство; потому что, или имея его, страждут сим, или к нему готовятся, или нередко, власть уже прекратилась, но рассказы о ней снова пробуждают болезнь. И где найдешь такое слово, чтобы проникло в их слух, загражденный для гласа проповедников? Кто убедит таких людей, что ничем не разнятся они от показывающих себя на зрелище. Ибо у них надеты: личина и какая-то искусно выработанная и позлащенная багряница, и торжественно восседают они на колеснице, но вместе с тем от таких украшений не входят в них никакая болезнь гордости; но как думали они о себе до выхода на зрелище, такое же расположение сохраняют в душе и во время представления, и после того не скорбят сошедши с колесницы и сняв с себя наряд. Но величающиеся на позорище жизни своею начальническою властью не рассуждают о том, что было не задолго, и что будет вскоре после сего. Как расширяются надуваемые пузыри, так и они пыщутся при громком воззвании глашатая, надевают на себя какую либо чужую личину, естественное положение лица переменяя в угрюмое и страшное; и голос примышляется ими более суровый, к ужасу слушающих делающийся похожим на зверский. Не остаются уже они в пределах положенных человеку, но претворяют себя в обладающих Божиим могуществом и Божиею властью. Ибо уверены о себе, будто бы они господа жизни и смерти; потому что из судимых ими об одном дают спасающий его приговор, а другого осуждают на смерть, и не обращают внимания на то, Кто подлинно Господин человеческой жизни, определяющий и начало и конец бытию; хотя к сокращению их тщеславия достаточно того одного, что многих из начальствующих во время отправления ими своего начальствования видели похищенными с начальнических седалищ и отнесенными в могилы, где голос глашатая заменил плач. Посему, как господином чужой жизни быть тому для кого и своя — чужая? Но и он, если соделается нищ духом, взирая на Обнищавшего ради нас добровольно, и имея пред очами равночестие нашего естества, однородного с ним не поругает никаким плачевным зрелищем мечтательно выказываемого начальствования; то поистине будет блажен, на временное смиренномудрее обменив Небесное Царство. Не отринь, брат, и